

ЭКСКУРСЫ Г-НА ЛЭНГА В НОВУЮ И НОВЕЙШУЮ ИСТОРИЮ ГРУЗИИ

Г. Л. ГАМБАШИДЗЕ, Г. М. МАРГИАНИ

История Грузии давно влечет английского ученого Дэвида Маршалла Лэнга. В 50-х годах он опубликовал целый ряд исследований по проблемам древней и средневековой эпох этой страны, завершившихся монографией «Последние годы грузинской монархии»¹. Ныне Лэнг решил рассказать читателям, что случилось с Грузией после присоединения картлийско-кахетинского царства к России в 1801 г. Последняя книга Лэнга «Новая история Грузии» представляет, по его собственной характеристике, очерки, в которых «прослеживается утверждение и падение царского самодержавного режима в Грузии и на Кавказе и показывается, как это привело к включению Грузии в семью советских наций»².

Желание ученого довести исследование истории изучаемой им страны до современности, разумеется, вполне понятно. Посмотрим, однако, что интересует Лэнга в первую очередь, какие именно сюжеты побудили исследователя, до сих пор не пересекавшего границы феодальной эпохи, вторгнуться в новую и новейшую историю Грузии.

В известной мере ответить на эти вопросы можно, уже заглянув в содержание книги Лэнга. Ее первая глава включает общие сведения о Грузии географического, политико-административного и этнографического характера. Вторая представляет краткий исторический очерк, подводящий читателя к моменту присоединения Грузии к России. Четыре последующие посвящены истории Грузии прошлого столетия, седьмая называется «Грузия в революции 1905 г.», восьмая охватывает период с 1906 по 1917 гг., а затем следуют две главы о событиях в Грузии до 1920 г. Создается впечатление, что автор все более замедляет темп повествования по мере приближения к современности. Но дальше мы видим, что в книге осталось всего три главы! А на историю социалистической Грузии приходится и того меньше, так как большая часть одиннадцатой главы, охватывающей 1920—1924 гг., описывает ход событий до установления в Грузии Советской власти в 1921 г. Иными словами, минимальное внимание в новейшей

¹ «Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia», New York, 1955; «The Wisdom of Balahvar. A Christian Legend of the Buddha», London—New York, 1957 (1958); «Notes on Caucasian Numismatics» («The Numismatic Chronicle», ser. 6, vol. XVII, London, 1957); «Georgian Relations with France During the Reign of Wakhtang VI, 1711—1724» («Journal of Royal Asiatic Society», London, 1950); «Wisdom and Lies» («Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XVIII, pt. 3, London, 1956); «Georgian Studies in Oxford» («Oxford Slavonic Papers», vol. 6, Oxford, 1958); «Catalogue of Georgian and Other Caucasian Printed Books in the British Museum», London, 1962; «The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658—1832», New York, 1957.

² D. M. Lang. A Modern History of Georgia. Reader in Caucasian Studies in the University of London, 1962.

истории Грузии автор уделил периоду социализма; максимальное — кратковременному господству меньшевиков в годы гражданской войны.

Характерной чертой книги Лэнга в целом является то, что автор рассматривает преимущественно политическую историю Грузии, почти не интересуясь социально-экономическим развитием. Эта однобокость бросается в глаза и при чтении первых глав.

Так, причины, сковывавшие зарождение промышленности и развитие торговли в Картлийско-Кахетинском царстве в конце XVIII в., Лэнг сводит главным образом к бесконечным набегам дагестанцев, междоусобным войнам, постоянным нападениям на торговые караваны, добавляя, что «отрицательное влияние на развитие экономики оказывала также вражда между классом состоятельных армян и расточительным грузинским дворянством. Наблюдался постоянный отлив столь необходимого капитала из Грузии, поскольку наиболее состоятельные армянские купцы уезжали из Тбилиси и Гори в Москву и Астрахань» (стр. 36).

Эти обстоятельства, бесспорно, отрицательно влияли на развитие общественного производства и торговли. Однако они не были главной причиной хозяйственного застоя в стране. Известно, что как в Восточной, так и в Западной Грузии во второй половине XVIII в. после длительного периода разорительных войн наконец-то воцарился мир, способствовавший экономическому развитию. Но, несмотря на все это, сколько-нибудь значительный рост промышленности не последовал даже в первой трети XIX в., когда, казалось бы, в результате присоединения Грузии к России была создана более благоприятная обстановка для развития общественного производства и обмена. Объяснение этому следует искать прежде всего во внутренней жизни страны. Грузия была обременена крепостническими порядками, а позднее его остатками, которые тормозили развитие производительных сил.

Но как раз наиболее острые социальные проблемы отодвигаются Лэнгом на второй план или же трактуются крайне упрощенно. В первой половине XIX в. он видит в Грузии лишь национальную борьбу за восстановление грузинской монархии, умалчивая об антикрепостническом движении. Реакционное грузинское дворянство действительно пыталось, особенно в первой трети XIX в., придать общественно-политическому движению националистическую окраску, действительно преследовало реакционные, реставраторские цели. Однако крестьянство выступало не только против национального, но и социального гнета; необходимость известного общественного переустройства понимала и передовая часть дворянства.

В этой связи мы остановимся на имеретинском восстании 1819—1820 гг. Лэнг называет его «попыткой восстановить имеретинскую монархическую династию» (стр. 58). Однако именно это восстание ярко показало, что в Грузии зрел глубокий антифеодальный протест. Хотя оно и объединило все сословия (крестьяне, дворяне, интеллигенция и духовенство), различные слои населения преследовали в нем разные цели. В основе восстания лежало не столько стремление восстановить монархическую династию, сколько причины социально-экономического характера, и это, как свидетельствуют документы, хорошо замечали даже царские палачи, посланные в Имеретию усмирять восставших. Так, генерал Сисоев писал о причинах восстания: церковной «реформой» налагалась денежная ответственность, превышающая меру возможности платить жителям, а именно от пяти до двадцати пяти рублей серебром, но не одна сия причина была причиной возмущения, а имеретинам хотелось воспользоваться сим случаем и из оного избрать из себя царя..., вытеснить из пределов Имеретии войска наши и остаться независимым к Российскому государю императору. Сие зло однако же не последнее, ибо некоторые желали случаем бунта освободиться от повинностей своих помещиков, а сии последние искали, чтобы отобрать у тех имение и так каждое сословие имело у них свои виды...»³.

С неверных методологических позиций оценивает Лэнг и заговор 1830—1832 гг. Он справедливо отмечает, что провал заговора по существу положил конец дворянско-реставраторскому движению. Дворянство постепенно расставалось с надеждой на реставрацию монархии и начинало «все больше и больше отождествлять свои интересы

³ Цит. по работе Н. Б. Махарадзе. Восстание в Имеретии 1819—1820 гг. («Вестник Института языка, истории и материальной культуры», т. XIII, Тб., 1943, стр. 67—69. Подчеркнуто нами.— Авт.).

с интересами русского самодержавия» (стр. 69). Но когда английский историк утверждает, что участники заговора «были не либеральными республиканцами, а скорее монархистами и националистами» (стр. 68), он явно искажает социальную природу движения. Как и имеретинское восстание, заговор объединил людей с различными убеждениями. Помимо большого числа консерваторов, идейными руководителями которых были высланные в Петербург грузинские царевицы, в нем существовало также прогрессивное крыло. Одни представители этого крыла во главе с И. Абхази, А. Чавчавадзе считали, что отделение Грузии от России и создание независимого государства было преждевременным. По их мнению, требовался длительный срок для того, чтобы Грузия подготовилась к восстановлению независимости, была необходима подготовительная, переходная ступень в виде автономии. По мнению другой части прогрессивной группы, которой руководили С. Додашвили и Г. Орбелиани, благоприятная обстановка для восстановления независимости уже была налицо и оставалось повести решительную борьбу за освобождение. Но ни первые, ни вторые не поддерживали идеи возрождения государственного строя старой тавадской Грузии. Они мечтали о создании в Грузии некоторого подобия республики или конституционной монархии. Не зная всего этого г-н Лэнг мог только в том случае, если он не удосужился ознакомиться с многочисленными исследованиями грузинских советских историков, не говоря уже об обобщающем труде «История Грузии»⁴. Но такое предположение кажется нам маловероятным, ибо, как мы увидим при разборе источниковедческой базы Лэнга, он довольно внимательно читал советскую историческую литературу.

Если оценивать в целом освещение автором проблем феодальной истории Грузии, то можно сказать, что наряду с ошибочными положениями, обусловленными односторонним подходом и игнорированием последних достижений советской исторической науки, в книге Лэнга есть немало страниц, содержащих достоверные, хотя и крайне беглые сведения по истории Грузии.

Однако дело постепенно меняется, когда мы вместе с Лэнгом покидаем пределы феодальной эпохи и вступаем в период развития капитализма в Грузии — чем ближе к новому времени, тем более предвзятым становится его исследование.

Здесь, как и ранее, Лэнг сторонится социально-экономического анализа событий. Мы находим лишь отдельные замечания о росте капиталистических элементов в хозяйстве Грузии. На стр. 105, например, он в общем верно утверждает, что «XIX век был веком малой промышленной революции в Грузии». Но это положение остается нераскрытым. Читатель так и не узнает, в каких объективных условиях протекала борьба народа против социального и национального гнета и созрели материальные предпосылки победы социалистической революции в стране.

Немало места в книге отведено общественной деятельности и политическим взглядам грузинских шестидесятников, так называемых «тергдалеулеби»⁵. Характеризуя это движение, английский ученый впадает в показательное противоречие. Сначала он пишет: «Грузинский крестьянин нашел пламенных защитников среди младшего поколения интеллигенции, многие из представителей которого принадлежали к крупнейшим аристократическим семьям. Знакомство с произведениями таких радикалов, как Белинский, Герцен, а также личное влияние бесстрашных прогрессистов — Чернышевского и Добролюбова вскоре породили в умах этих грузинских студентов в высшей степени критическое отношение к царскому самодержавию, крепостничеству, чертам патриархального быта...» (стр. 110). Здесь Лэнг в основном правильно повторяет новый взгляд на «тергдалеулеби», сравнительно недавно утвердившийся в грузинской историогра-

⁴ Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Месхия, П. Ратиани. История Грузии, кн. I (с древнейших времен до конца XIX в.), Тбилиси, 1958; Н. Бердзенишвили. Рецензия на докторскую диссертацию А. Киквидзе «Общественно-политическое движение в Грузии в XIX в.» («Труды Ин-та истории АН Грузии», т. I, 1955, на груз. яз.); Ш. Нуцубидзе. История грузинской философии, т. 2, Тб., 1954 (на груз. яз.); А. Кутелия. Предисловие к книге С. Додашвили. Курс философии, ч. I, Тбилиси, 1943 (на груз. яз.); М. Гоцадзе. Жизнь и деятельность Соломона Додашвили, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); Ето же. История грузинской журналистики, Тбилиси, 1954 (на груз. яз.) и др.

⁵ «Тергдалеулеби» буквально значит «испившие воду Терека». Так их называли потому, что они получили высшее образование по ту сторону Терека, т. е. в России.

фии⁶. В последних исследованиях, особенно в трудах П. Ратиани, справедливо указывается, что «тергдалеулеби» и их идейный вождь И. Чавчавадзе были выразителями интересов угнетенной части народа, т. е. крестьянства и городской бедноты, а не буржуа-помещиков, как это считалось ранее. Но Лэнг тут же фактически отказывается от своих правильных суждений, заявив, что идеологию Чавчавадзе «можно справедливо охарактеризовать как буржуазно-националистическую». На стр. 121 он объявляет Чавчавадзе деятелем, «возглавлявшим либеральную буржуазную интеллигенцию».

Такой поворот на сто восемьдесят градусов в логике Лэнга вряд ли объясняется его индивидуальными качествами исследователя. Буржуазные историки давно уже тшчатся причислить к русской либеральной традиции таких мыслителей и общественных деятелей, как Радищев, Герцен и даже Чернышевский⁷. Поиски аналогичных «либеральных традиций» в освободительном движении Грузии указанного периода породили и вышеприведенную характеристику, даваемую Лэнгом Чавчавадзе и его сподвижникам. Между тем советская историческая наука на основе тщательного анализа новых архивных материалов восстановила картину деятельности грузинских шестидесятников. Игнорируя все накопленные советской наукой данные о том, что развернувшееся в Грузии в 60-е годы движение было одним из ответвлений общероссийского освободительного движения, а выдающиеся грузинские шестидесятники И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Гогоберидзе, К. Лордкипанидзе и др. являлись революционными демократами, верными учениками и последователями Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Лэнг предпочитает вернуться к давно отвергнутым наукой версиям. Его рассуждения представляют отголосок весьма старых концепций грузинских буржуазных националистов типа Джорджадзе. Были времена, когда многие грузинские авторы в соответствии со своей методологией рассматривали национально-освободительное движение в Грузии XIX в. исключительно как национальное движение буржуазии и совершенно не замечали главного — его революционно-демократического содержания. Они не видели разницы между национально-освободительным движением и буржуазным национализмом и задолго до Лэнга объявляли И. Чавчавадзе, А. Церетели и их соратников националистами и шовинистами.

Характеризуя канун революции 1905 г. в Грузии, Лэнг отмечает, что «идеи классовой борьбы», т. е. марксистско-ленинские идеи, обладали здесь «большой притягательной силой». В устах буржуазного историка это немаловажное признание. Но на стр. 131 автор предлагает такие «разъяснения», которые сводят на нет его собственные оценки. Он пишет: «Лишь немногие из кавказских промышленных магнатов были грузинами. Тем легче было подогревать ненависть к армянским купцам и ростовщикам, к английским, французским и еврейским капиталистам, а также к русской администрации, которые, как тогда говорили, вошли в дьявольский союз, чтобы эксплуатировать грузинских рабочих и крестьян и наживаться на их поте и слезах». Иными словами, классовая борьба грузинских трудящихся питалась не сознанием необходимости покончить с капиталистической эксплуатацией вообще, а националистическими чувствами, и не будь в Грузии предпринимателей негрузинского происхождения, местные рабочие могли и не воспринять идей марксизма.

Не собираясь убеждать буржуазного историка в том, что капитализм — зло, ничуть не меньшее для грузинского народа, чем для всех других народов, укажем на факт, хорошо ему известный: рабочий класс Грузии, боровшийся в годы революции 1905—1907 гг. против существующих порядков, был по своему составу интернациональным

⁶ См. П. К. Ратиани. Илья Чавчавадзе. Философские и социально-политические воззрения, Тбилиси, 1949 (в сокр. виде издана в Москве в 1958 г.); Его же. Илья Чавчавадзе. Политико-экономические воззрения, Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); Его же. Из истории революционной деятельности грузинских шестидесятников (по новым архивным материалам), Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Л. Горгиладзе. К истории марксизма в Грузии, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.); М. Гаприндашвили. Очерки по истории грузинской общественной мысли, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Г. И. Мегрелашвили. Грузинская общественно-экономическая мысль во второй половине XIX в., Тбилиси, т. I, 1960.

⁷ В обосновании этой легенды принял участие и Лэнг в своей книге «The First Russian Radical A. N. Radishchev», London, 1959. Разбор ее см. «История СССР», 1963, № 3, стр. 183—212.

отрядом российского пролетариата,— значительную часть его составляли рабочие русской, армянской и других национальностей. Этот боевой отряд российского пролетариата был проникнут не духом национальной обособленности, а сознанием классовой солидарности. Он шел всегда в одних рядах с пролетариатом других революционных центров России.

Нам хотелось бы отметить еще один момент. Положение в Грузии Лэнг рассматривает — и совершенно правильно — во взаимосвязи с событиями в России. Но в неизбежно кратком описании этих событий односторонность и предвзятость его методологического подхода раскрываются еще более явственно. Мы предположим читателю некоторые обобщающие выводы и определения автора: «Александр III сумел сохранить некое подобие порядка и спокойствия в России при помощи одной лишь силы воли и отказа сделать какие-либо уступки новым общественным силам и политическим течениям, зарождающимся в России... Николаю II везло на плохих или пристрастных советчиков, и порой он увольнял верных ему министров, повинувшись капризу своей пустоголовой утешительницы, императрицы Александры... Либералы, умеренные социалисты и революционеры-подпольщики как один объединились в стремлении свалить и сбросить с престола русского Левиафана... Меншевики стремились к установлению конституционной республики, считая его шагом на пути к социализму», большевики «стояли за свержение режима революционными методами и установление диктатуры пролетариата стойкой элитой профессиональных агитаторов и партийцев... Зловещей чертой большевистской фракции был ее диктаторский и олигархический характер» (стр. 116—118, 147).

Перед нами традиционная, бытующая в буржуазной науке схема политического развития России начала XX века: с одной стороны — «неспособное», деспотическое правительство; с другой — погрязшие в «диктаторстве» и «элитизме» заговорщики-большевики. Между теми и другими располагаются носители «истинного» прогресса — буржуазные теоретики и практики всех мастей⁸; в данном случае, применительно к истории Грузии, эту функцию выполняют «умеренные социалисты» то бишь грузинские меньшевики. Им-то и отдает все симпатии английский историк.

«Блестящие патриоты, хотя и не слишком склонные к национализму, всецело преданные модным лозунгам международного братства и пролетарской солидарности» — вот характеристика, которую Лэнг дает меньшевикам. Патриоты, дважды отдавшие страну под протекторат империалистических держав? — спросит осведомленный читатель. Интернационалисты, отказавшиеся поддержать борьбу русских рабочих с контрреволюцией? Борцы за интересы пролетариата, мечтавшие о буржуазной республике в Грузии и пошедшие наговор с империалистами, лишь бы преградить грузинскому народу путь к социализму?

Надо сказать, что столь выразительный панегирик меньшевизму — явление исключительно редкое даже в буржуазной историографии. Как видно, автор воспользовался собственной рекомендацией меньшевиков, внимательно ознакомившись с писаниями лидеров грузинского меньшевизма и прежде всего с мемуарами Жордания, чей жизненный путь послужил ему источником вдохновения. Если верить Лэнгу, Жордания, Церетели, Гегечкори, Чхеидзе и иже с ними занимали выдающееся место не только в грузинской, но и общероссийской политической жизни. «Имея общественных деятелей такой величины, как Ираклий Церетели и Николай Чхеидзе, игравших большую роль сначала в царских думах, а затем в правительстве Керенского, грузинские меньшевики оказывали на русские дела влияние, никак не соответствовавшее их численности. Русская политическая овчарка иной раз подчинялась движению своего грузинского меньшевистского хвоста. Когда же большевики Ленина пришли к власти, русская овчарка в порыве мщенья оторвала грузинский хвост, оставив его извиваться в пустоте» (стр. 199—200).

Не будем останавливаться на своеобразии и живости образов, введенных Лэнгом в теоретическое исследование: это дело его эстетического вкуса. Но при всей своей «красочности» его метафора никак не впечатляет читателя, ибо обходит суть дела. Грузинские лидеры меньшевизма лишились всякой опоры в России и оказались «в пус-

⁸ Критический разбор этой концепции, представленной, в частности, в работах школы М. Карповича, см. «История СССР», 1961, № 5, стр. 201—205.

тоте» по той простой причине, что их программа игнорировала интересы коренных масс России. Более того, эта программа не отвечала и интересам широких масс Грузии. Остановимся на одном только примере.

Лэнг подчеркивает отрицательное отношение закавказских властей к мирной политике Советского правительства (солидаризируясь с ними) и особенно неприемлемость условий Брестского мира для Грузии. Этот мир он именует «большевистским» (стр. 202).

Слов нет, Брестский мир был весьма тяжелым для Грузии, но, во-первых, еще более тяжелым он был для Украины, Белоруссии, республик Прибалтики и Советской России. Во-вторых, его конкретные условия не обсуждались, а были навязаны германской стороной, и эта насильственность наиболее ярко проявилась как раз в той части договора, где говорилось о Грузии. Упоминание о переходе Батуми, Карса и Ардагана к Турции было внесено германской стороной в текст договора за два дня до его подписания без предварительного обсуждения. В своей декларации перед подписанием Брестского мира советская делегация, в частности, заявила: «На Кавказе, ясно нарушая формулированные Германским правительством условия ультиматума от 21 (8) февраля и не сообразуясь с подлинной волею населения областей Ардагана, Карса и Батума, Германия отторгает в пользу Турции эти области, ни разу не завоеванные турецкими войсками». Этот акт расценивался Советским правительством как «откровенный и насильственный территориальный захват»⁹.

Заключая мир с империалистической Германией, Советская Россия пошла на уступки, чтобы не потерять свое главное завоевание — социализм. Возможно, именно это последнее обстоятельство и вызывает неудовольствие английского историка. Оно, бесспорно, более всего волновало и державы Антанты, которые предпочли бы видеть на месте сильной и сплоченной страны социализма слабую и разобщенную капиталистическую Россию. Но как увязать сходство позиций империалистов и деятелей, отрекомендованных Лэнгом «блестящими патриотами» и защитниками «пролетарской солидарности»? Лэнг предпочитает не анализировать позицию меньшевиков в вопросе о мире, и не случайно. Меньшевистские вожди, следуя за западноевропейскими социал-шовинистами, выступали против заключения мира и до и после переговоров в Брест-Литовске. «Мы одни не признали Брестского мира и ответили борьбой против него», — напыщенно заявил Е. Гегечкори 3 января 1919 г. в Учредительном собрании Грузии¹⁰. «Мы объявили войну Турции, чтобы парализовать позорный Брест-Литовский договор», — говорил он позже О. Уордропу, возглавлявшему английскую миссию в Грузии¹¹.

Это был чистейший авантюризм, противоречивший интересам грузинского народа и приведший к тому, что 4 июня 1918 г. меньшевистское правительство заключило с Турцией действительно позорный договор, отдававший Грузию на милость последней, а в конечном счете и к тому, что страну оккупировали английские войска. Объяснялся же он тем, что меньшевики были не выразителями интересов рабочего класса, а предателями этих интересов; не поборниками социализма, как они уверяли в свое время (и как ныне уверяет Лэнг), а его врагами.

Но, может быть, меньшевики преуспели хотя бы в решении внутривнутриполитических проблем Грузии? Лэнгу нравится проведенная ими аграрная реформа, в результате которой, оказывается, улучшилось материальное положение многих крестьянских хозяйств. Столь же высоко он оценивает рабочую и промышленную политику меньшевиков, даже называя ее социалистической (стр. 212—213). В целом, убеждает читателя Лэнг, «если бы у меньшевиков были время и свобода действий, их экономическая политика превратила бы Грузию в страну зажиточных земледельцев-иоменов, ремесленников и торговцев».

Автор прав в одном — грузинские меньшевики действительно хотели укрепить позиции мелкой буржуазии в стране (примечательно, что в выводе Лэнга промышленный пролетариат вообще отсутствует, его место заняли ремесленники). Рабочая и промышленная политика меньшевиков на деле не имела ничего общего с социализмом.

⁹ «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 118.

¹⁰ «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», Тифлис, 1919, стр. 486.

¹¹ «Демократическое правительство Грузии и английское командование», стенограмма, Тифлис, 1919, стр. 85.

Экономическое законодательство меньшевистской Грузии было буржуазным, рабочий класс был практически лишен права бороться за улучшение своего положения. Сами меньшевики не скрывали, что под маркой социализма они создавали буржуазную экономику. Жордания, например, считал предпосылкой социализма форсированное развитие промышленности Грузии на капиталистической основе, исходя из того, что Грузия была в промышленном отношении отсталой страной, где буржуазный строй далеко не исчерпал себя¹². Сделав подобную теорию основой своей экономической политики, меньшевистское правительство из покровителя национальной буржуазии превратилось в ее слугу.

Экономическая политика меньшевиков провалилась. Промышленность и сельское хозяйство деградировали¹³. В стране свирепствовал жестокий голод. Даже те законы, которые так нравятся Лэнгу, остались на бумаге, и никто их не выполнял. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что это был один из самых тяжелых периодов в долгой истории Грузии.

Трудящиеся Грузии не имели никаких оснований быть довольными экономической политикой меньшевистского правительства, но Лэнг тем не менее считает, что именно эта политика снискала популярность меньшевикам в народе, который «охотно» отдал им свои голоса на выборах в учредительное собрание в феврале 1919 г. (стр. 210—211). Лэнга радует успех меньшевиков — из 130 мест они получили 109, однако его несколько смущает низкий процент — 60 (!) — участия в выборах избирателей, и он объясняет этот факт... большим снегом, выпавшим в те дни в Грузии и помешавшим населению воспользоваться правом голоса.

Так как английский историк не указывает на источники своей информации, нам приходится волей-неволей считать недобросовестным его самого. По официальным данным на выборах 1919 г. правом голоса воспользовалась примерно половина избирателей. Меньше всего голосовавших было в городах, где снег никак не мог повлиять на ход выборов. Так, в течение трех дней в Тбилиси из 71 тыс. избирателей голосовало 37 тыс., в Кутаиси из 24—12¹⁴. Если же говорить о действительной причине такого слабого участия населения в выборах, то ею было влияние большевиков. О силе большевистской партии в Грузии говорит хотя бы то, что в период предвыборной кампании меньшевики предлагали ей сотрудничество. Большевики отвергли это предложение и бойкотировали выборы. Они вели противоречивую кампанию во всех городах и селах, разоблачая антинародную политику меньшевистского правительства. Игнорирование выборов грузинскими трудящимися было их существенной победой, достигнутой вопреки провокациям властей и демагогической пропаганде контрреволюционных партий. Тщетно, однако, искать хотя бы слово обо всем этом в книге г-на Лэнга.

Особенно тенденциозен английский историк в описании политики, проводимой в Грузии Англией. Если в изображении деятельности большевиков и акций Советского правительства он пользовался в основном черной краской, то теперь употребляет исключительно белую. Перед читателем его книги Англия предстает бескорыстной защитницей интересов Грузии. Конечно, мы и не ждем от буржуазного ученого острого обличения политики собственного правительства. Но исследователь, претендующий на объективность, мог по крайней мере привести все важнейшие факторы, имеющие отношение к исследуемой проблеме. Лэнг побоялся сделать это.

Тщетно было бы искать в книге хотя бы намек на империалистический характер политики Англии в Малой Азии и Закавказье. Автор умалчивает о тайных англо-франко-итальянских переговорах о разделе Ближнего Востока и обходит англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г., по которому Закавказье определялось как сфера влияния Англии. Говоря о Мудросском перемирии, он из множества условий выделяет одно — об уходе немецко-турецких войск из Закавказья. У читателя создается впечат-

¹² «Борьба», 20 июня 1918 г.

¹³ Доклады заместителя министра труда, директора департамента торговли и промышленности, высказывания министра земледелия о результатах аграрной реформы, доклад специальной комиссии, созданной для изучения причин крестьянского восстания в Горийском уезде, и т. д. см. П. Гугушвили. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX и XX вв., т. II, стр. 439 (на груз. яз.); ЦГАОР Груз. ССР, ф. 24, д. 69, лл. 2—7; д. 118, лл. 1—25; л. 61, лл. 9—12, и др.

¹⁴ См. меньшевистский правительственный вестник «Сакартвелос республика», 7 и 13 марта 1919 г.

ление, что главной целью Антанты — и в первую очередь Англии, обладавшей наибольшей военной мощью на Ближнем Востоке, — было лишь повергнуть противника и дать народам этого района возможность самим распорядиться своей дальнейшей судьбой. А ведь в кругах нефтепромышленников, определявших политику Англии на Ближнем Востоке, не скрывали своих грабительных намерений. Директор одной из английских нефтяных компаний Г. Аллен прямо заявил, что было бы неплохо создать в Закавказье вторую Индию или второй Египет¹⁵.

Переходя к конкретным действиям англичан в Закавказье, Лэнт стремится внушить читателю, что, вмешиваясь во внутренние дела Грузии, англичане преследовали исключительно благородные цели восстановления мира в Закавказье. Но факты, хорошо известные и автору — бывшему сотруднику английского «Форейн оффис», говорят о ином. Англия сама настойчиво провоцировала столкновение между Грузией и Арменией, ибо именно наличие вооруженного конфликта позволяло ей ввести войска на грузинскую территорию под мнимым предлогом наведения порядка. Вкратце проследим за событиями.

К началу декабря 1918 г., когда инциденты на грузино-армянской границе приняли систематический характер, английские представители вели и в Тбилиси и в Ереване усиленную пропаганду, заверяя недальновидных политиканов обеих стран, что Великобритания является покровителем каждой. 7 декабря 1918 г. Д. Топуридзе, представитель меньшевистских властей в Батуми, доносил своему правительству: «...Уэбстер (английский офицер, прибывший в Батуми со специальной миссией.— Авт.) настойчиво говорит мне об отношениях между нами и армянами. Он сравнивает их роль с ролью евреев и старается внушить мне, что грузины должны особенно бояться экономического господства армян, которые находят желательным, по его мнению, изгнать грузин из Тифлиса и подчинить их себе. Он приходит к заключению, что мы не должны пользоваться армянскими капиталами, что для нас гораздо выгоднее английские...»¹⁶. Англичане настолько откровенно разжигали грузино-армянскую вражду, что под давлением возмущенной общественности меньшевистское правительство было вынуждено выступить 15 декабря с официальным протестом в адрес держав Антанты (т. е. фактически Англии) по поводу пограничных стычек¹⁷. Представители Англии не сочли нужным даже ответить на этот протест. 17 декабря меньшевистское правительство призвало население к боевой готовности, 18 декабря началась запись добровольцев, а 21 декабря вспыхнула война.

Только этого и ждали англичане. В тот же день они сообщили меньшевикам, что британское командование решило ввести в Грузию свои войска. 22 декабря 15-тысячный десант высадился в Батуми, а 23 декабря англичане потребовали от Н. Жордания подготовить помещения для расквартирования войск в Тбилиси¹⁸.

Теперь посмотрим, принесла ли английская интервенция действительно мир грузинскому народу. Вот заявление лидера меньшевиков Жордания генералу Уокеру от 15 февраля 1919 г.: «До прихода к нам союзников... мы ни с кем не воевали и нигде не имели врагов... С приходом союзников картина резко изменилась: мы все время воюем. Прежде всего предательское нападение Армении, затем наступление добровольцев и, наконец, вторжение на нашу территорию турецких полчищ»¹⁹. А ведь Жордания вряд ли мог беспричинно выказывать недовольство действиями англичан, — меньшевики видели в присутствии английских войск гарантию от «большевизации» Грузии.

Англичане, и в Закавказье верно следовавшие испытанному методу колонизаторов «разделяй и властвуй», были непроч несколько более углубить грузино-армянский конфликт. Но это таило опасность срыва их далеко идущих планов. Война необычайной обострила политическую ситуацию в Закавказье. Коммунисты Грузии и Армении разоблачили антинародную политику меньшевиков и дашнаков. Против продолжения конфликта выступили трудящиеся массы и прогрессивная интеллигенция обеих стран.

¹⁵ «Financial News», London, December 24, 1918.

¹⁶ «Англо-американские интервенты в Грузии», сб. док., сост. С. Маглакелидзе, Тбилиси, 1953, стр. 24—25.

¹⁷ «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», стр. 469—470.

¹⁸ Там же, стр. 426—427.

¹⁹ «Демократическое правительство Грузии и английское командование», стр. 27—28.

С другой стороны, и окончание войны сулило англичанам определенные выгоды. В день прекращения военных действий, 31 декабря, английское министерство иностранных дел направило в Тбилиси официальную ноту, в соответствии с которой Великобритания брала на себя роль «покровителя» Грузии²⁰. Мирная конференция, работавшая с 10 по 17 января под председательством английского офицера, передала спорный Лорийский район под английское управление.

Так претворялась в жизнь программа тайного англо-французского соглашения о разделе европейской части России на сферы влияния. Таково было истинное содержание «миротворчества» Англии. Можно только добавить, что в самой Англии вступление английских войск в Грузию расценивалось как насильственный захват. Лейбористская конференция, состоявшаяся 25 июля 1919 г. в Манчестере, требовала прекращения интервенции и вывода английских войск с грузинской территории²¹.

Нам осталось рассказать о том, как Лэнг освещает историю Советской Грузии,— если вообще можно говорить об освещении и даже о сколько-нибудь последовательном изложении им этой истории. Мы уже сообщали, что всему социалистическому периоду он уделяет лишь две главы. Но еще более характерно то, как Лэнг обращается с различными вопросами внутри этой темы.

Наибольший интерес у английского историка вызывают те события, на которые наложил отпечаток культ личности Сталина. О чем бы он ни писал, он неизменно возвращается к ошибкам, допущенным в результате культа личности, и смакует нарушения социалистической законности в этот период. При этом он, разумеется, стремится представить их как закономерный итог прихода к власти в Грузии большевиков.

Неприятный привкус, которым отдает такой метод повествования, очевидно, чувствуется и сам автор. В поисках формального оправдания этого метода он цитирует грузинскую народную поговорку: «скажи другу в глаза, недругу за глаза», тем самым давая понять, что считает своей обязанностью говорить правду, какой бы она ни была.

Но, во-первых, суровую и нелицеприятную правду об ошибках, допущенных в период культа личности, грузинский народ услышал еще в 1956 г. от Коммунистической партии. Ничего нового Лэнг не сообщает и сообщить не может. Во-вторых, Лэнг говорит не только правду. В материалы, заимствованные из советских же источников, он умело влетает собственные преувеличения и домыслы. Рассчитывая не на грузинского читателя, которому прекрасно видно, где автор прав, где ошибается, а где и просто лжет, а на своих соотечественников, плохо знающих историю Грузии, Лэнг старается поразить их рассказами о «чистках» и «репрессиях».

Неприятное отношение к Советской власти, политике КПСС и коммунизму в целом автор стремится вызвать у своих читателей и при рассмотрении других вопросов. Ему по душе временный расцвет частного предпринимательства в годы нэпа, и он, напротив, не приемлет коллективизацию. Мы узнаем, что все грузинские крестьяне, не только кулаки, но и бедняки, «с мужеством отчаяния цеплялись за свои единоличные хозяйства». Бедняки поддержали кулаков и тогда, когда те фактически объявили войну Советской власти. «В действительности вся грузинская деревня приняла участие в беспорядках»,— уверяет Лэнг несведущего английского читателя, который должен понять все вышесказанное в совокупности так, что ни один даже самый обнищавший грузинский крестьянин не был согласен с разумной коллективной обработки земли!

Но если все в социалистической Грузии было так плохо, то каким образом страна, которую меньшевики, по мнению Лэнга, могли оделать раем для крестьян, ремесленников и торговцев, под руководством большевиков покрылась сетью фабрик и заводов, рудников и электростанций, сделала гигантский скачок в развитии культуры и росте благосостояния народа?

Всего полторы страницы отвел Лэнг разделу о пятилетках в предпоследней главе и одну — разделу «Промышленность и строительство» в последней. Одной страницей он исчерпал и такую важную тему, как участие грузинского народа в Великой Отечественной войне. Больше того, стремясь придать соответствующую «тональность» свое-

²⁰ См. статью В. М и н о р с к о г о «Заметка о Закавказье» («Современные записки», Париж, 1921, № 3).

²¹ «Daily Herald», July 26, 1919. Примечательно, что грузинские меньшевики в смертельном страхе перед надвигающейся революцией требовали от лейбористов — депутатов английского парламента выступления за оставление в Грузии английских войск.

му рассказу, Лэнг в одном абзаце перечисляет ряд воздвигнутых в годы пятилеток промышленных предприятий, а в двух следующих нагоняет на читателя страх рассказами о «репрессиях».

Тонут в сплетении тенденциозных описаний, неоднократно повторяемых преувеличений и вымыслов отдельные правдивые строки. Лэнг приводит некоторые цифры о росте выпуска промышленной продукции, скороговоркой признает, что наука и образование расцвели при социализме. Но эту действительную, главную правду о том, какой стала Грузия при социализме, нелегко искать в его книге.

Итак, путешествие по страницам «Современной истории Грузии» г-на Лэнга закончено. Но есть еще один последний вопрос, на котором нам хотелось бы остановиться. По прочтении книги Лэнга трудно избежать впечатления, что автор непрочь представить дело так, будто ему принадлежит немалая заслуга и чуть ли не приоритет в разработке новой и новейшей истории Грузии. Так, на стр. 284—285 он пишет: «Ни на одном из европейских языков нет связного изложения современной истории Грузии. Эта книга написана в основном на оригинальных русских и грузинских источниках, хотя автор использовал также мемуары, путевые заметки и специальные работы на английском и других европейских языках, которые в той или иной степени освещают отдельные аспекты и фазы рассматриваемого периода». Список этих «специальных работ» за редким исключением содержит творения лиц, зарекомендовавших себя яркими антикоммунистами и фальсификаторами. Здесь мы видим сочинения британского верховного комиссара Гарри Лука, И. Дейчера, Б. Вулфа, Ф. Каземзаде, которого Лэнг хвалит за «примерную тщательность» исследования.

Возникает вопрос: а как же советская историография? Должен ли западный читатель предположить, что ее вовсе не существует или что г-н Лэнг незнаком с нею?

Тем англичанам, которые, интересуясь грузинской историей, возьмут в руки книгу Лэнга, мы рекомендовали бы прочесть сборник «XXII съезд КПСС и грузинская советская историография». Из него они узнают, что по неполным данным с 1921 по 1961 г. было опубликовано следующее количество монографий и статей (не считая газетных), рассматривающих различные аспекты истории Грузии: по археологии — 157, по истории искусства — 156; по этнографии — 240, по нумизматике — 30, эпиграфике и палеографии — 59, древней истории Грузии — 450, по средневековой истории Грузии — 300, по истории Грузии периода капитализма — 107, а по тематике советского периода истории Грузии — 298 книг и 183 статьи²². Достоверная история Грузии, основанная на всестороннем изучении русских и грузинских источников, освещена в этих исследованиях, а не в писаниях Вулфа, Дейчера и Каземзаде.

Что же касается возможных сомнений английского читателя относительно незнания Лэнгом советской историографии, то мы можем рассеять их уже сейчас. Можно сказать с полным основанием, что Лэнгу известны труды наших ученых Н. Бердзенишвили, П. Гугушвили, Ш. Чхетия, А. Пирцхалайшвили, А. Киквидзе, И. Антелава, Г. Мегрелишвили, А. Иоселиани, М. Думбадзе, Я. Хуцишвили, В. Мочалова, О. Марковой, П. Ратиани, Л. Горгиладзе, И. Качарава, Н. Стуруа, А. Сургуладзе, А. Панцхава, Н. Ткешелашвили и других. Больше того, многие факты и данные, а порой и рассуждения, заимствованы им у советских авторов. Это особенно бросается в глаза при чтении вводного исторического экскурса, глав об общественно-политическом движении в Грузии прошлого века, реформах 60-х годов, революции 1905 г.

То, что английский ученый воспользовался материалами и выводами советских работ, можно лишь приветствовать. Но почему же он не дает ни единой ссылки на эти работы и вообще упоминает только две-три из них? Может быть, он боится упреков в использовании достижений советской исторической науки, которую, как известно, буржуазные ученые обвиняют в «неспособности» к творческому исследованию? Или он опасается потерять свою «оригинальность»?

Как бы то ни было, честь Лэнга-историка не выигрывает ни в том, ни в другом случае. Он много раз бывал в Грузии, заявляя о своем искреннем стремлении глубже изучить страну, понять смысл больших перемен в духовной и материальной жизни ее народа. Мы уже отмечали печать этого стремления в его работах по древней и средне-

²² «XXII съезд КПСС и грузинская советская историография», Тбилиси, 1962, стр. 9—10.

вековой истории Грузии, представляющих действительный интерес не только для английского, но и для советского читателя. К сожалению, облику объективного исследователя никак не соответствует последняя книга Лэнга. Возвращаясь к упоминавшейся им грузинской пословице, мы должны констатировать, что частый гость нашей страны на этот раз сказал о ней за глаза неправду. Пусть он вспомнит, что по верованиям грузинского народа это несовместимо с уверениями в дружбе.

